

Персидская литература и поэтического стиля в девятнадцатом веке.

Khalid Hafzi Abdul Amir

الباحث / م.م خالد حفزي عبد الأمير

Возлюбленная в смятении и локон друга в смятении,
Страна в смятении, сам шах в смятении.
Сад в смятении, кипарис и сосна в смятении,
Госуарство в смятении, трон и корона в смятении.¹

литературные произведения, написанные на языках иранской группы, древнейшая часть мирового культурного наследия. В течение "шести веков персидской поэзии" (10-15) были созданы литературные формы и жанры, составившие классический канон восточной — исламо-персидской литературы, основным языком которой стал персидский язык (фарси). К первым проявлениям литературной древнеперсидской традиции можно отнести клинописные надписи царей Ахеменидской династии (558-330 до н.э.) и созданный на родственном древнеперсидскому, авестийском языке, передаваемый устно священный свод зароастрийской религии Авеста (1 пол. 1 тыс. до н.э.). В нее входили: наиболее древняя часть — Гаты (17 ритмизованных молитв, авторство которых приписывалось основателю древнеиранской религии Заратустре); книга Яшт, отражающая архаические представления персов о связи общества с миром природы и одухотворении природных сил. В Авесте уже встречаются зародыши популярных фольклорных сказочных сюжетов и мифологические образы борьбы царства света и царства мрака, где решающая роль отводится человеку-богатырю. Следующий, среднеперсидский период (3-7 вв. н.э.), характеризуется появлением собственно литературных произведений на разных диалектах среднеперсидского языка — пехлеви, парфянском, согдийском и др. Среди сохранившихся памятников того времени — эпическое Сказание о Зарере, династийные хроники Книга деяний Арташира Папакана, дидактическая поэма Ассирийское дерево и коза. В среднеперсидский период была записана Авеста. Многие сочинения 3-7 вв. известны только по названиям, в том числе династийные хроники Книги царей, на основе которых впоследствии был создан иранский эпос **Шах-намэ Фирдоуси** (Абе-ль- Касима Фирдоуси – р.934 или 941 ум.ок 1020 г.). Так

пишет поэт о своем жизненном опыте в оставленном им лирическом отрывке из стихотворения:

«Я много трудился, я много сказаний прочел,
Что сказаны речью арабов и речью пехлеви,
Шестьдесят и два года я прожил в трудах,
И собрал я запас знаний явных и тайных,
И лишь сожаленье, лишь тягость грехов-
Стоят предо мной как память о юности...»¹(Перевод А.Кочеткова)

В 7 в. персидские территории были завоеваны арабскими кочевниками и вошли в состав огромного Арабского халифата. Завоевания сопровождались экспансией арабской культуры — распространением ислама, арабского языка и письменности. В свою очередь, арабская культура также испытала на себе влияние культур побежденных народов, в том числе персов. Однако уже в начале 10 в. халифат распался на отдельные эмираты, развивавшие собственную культуру при сохранении общей религии — ислама.

Господство патриархально-феодалных отношений, бесконечные разорительные войны, внутренние междоусобицы, произвол шахской власти, нищета и отсталость — все это привело Иран в конце XVIII в. к экономическому, политическому и культурному упадку. О грабежах, разрухе и невыносимо тяжелой жизни народа можно судить по свидетельствам литераторов, например дневнику путешествий известного иранского поэта Шейха Али Хазина.

В самом конце XVIII в. к власти в Иране пришла новая династия Каджаров, которая приняла ряд мер по централизации власти и установлению спокойствия в стране, но деспотические феодальные порядки остались прежними.

Зато процветал новый шахский двор, затрачивавший огромные средства на гаремы, пиры и содержание дворцовых поэтов, которым надлежало восхвалять шаха. Росло количество панегиристов, которые стремились выслужиться перед шахом, дворцовой знатью, а в провинциях — перед губернатором. В первой половине XIX в. при дворе появилось немало поэтов, прославившихся прежде всего своими касыдами — одами шаху, принцам или вельможам, содействовавшим поэту в получении выгодной должности и высоких титулов.¹ Каждый стремился превзойти своего собрата по перу в славословии, соревнуясь в виртуозности, проявляя редкие способности в технике стиха и подражая классикам персидской поэзии. Одним из самых крупных среди них был **Фатхали-хан Саба** (1770—1822). Он был родом из Кашана. В награду за хвалебные оды Саба был щедро вознагражден: он стал губернатором Кума и Кашана, был хранителем кумских мавзолеев, что считалось и почетным и доходным местом. За касыду, написанную при

восшествии на престол Фатхали-шаха, Саба удостоился высокого титула Царя поэтов. Им написано свыше двухсот касыд, множество газелей, маснави, таркибандов, рубаи и кыта. Но кульминацией творчества этого придворного поэта оказалась его эпическая поэма «Шехиншах-наме» («Поэма о шахиншахе»), написанная в подражание «Шах-наме» Фирдоуси и тем же размером. В ней Саба всячески превозносит полководческий гений Фатхали-шаха, приписывая ему победы над русскими войсками, хотя известно, что первая и вторая русско-иранская войны, начатые иранской стороной, для Ирана окончились поражением. Шаху понравились безудержные хвалебные гимны поэта. И когда книга, состоявшая из сорока тысяч бейтов, была преподнесена шаху, тот приказал отсыпать поэту сорок тысяч золотников золота — по золотнику за каждое двустишие. Современники Саба хвалили эту поэму, но потом она была расценена как неудавшееся подражание «Шах-наме» Фирдоуси и забыта. В некоторых своих стихотворениях Саба говорит о борьбе добра и зла, о власти золота и различных житейских делах: «Если ты умен, но у тебя нет золота, // Все будут тебя гнать прочь. // Будь у тебя даже сотня пороков, // Но коли есть у тебя золото, ты незаменим». Саба принадлежит немало лирических стихов, в которых явно чувствуется стремление подражать Хафизу. Язык поэта, как правило, традиционен. Он нередко сложен, витиеват, но бесспорно мысль выражена яснее, чем это было у поэтов предшествующих веков. В некоторых своих стихотворениях Саба говорит о борьбе добра и зла, о власти золота и различных житейских делах:

Если ты умен, но у тебя нет золота,
Все будут тебя гнать прочь.
Будь у тебя даже сотня пороков,
Но коли есть у тебя золото, ты незаменим.¹

Другой придворный поэт **Сеид Абдолвахат Нешат Исфাহани** (1761—1829) также был панегиристом, но в отличие от Саба был человеком общительным, скромным. Его обаяние и талант притягивали многих поэтов. Вокруг Нешата в Исфahanе стихийно возникло «Литературное общество», где раз в неделю читались лучшие стихи. Вскоре о нем узнали в Тегеране, а написанная Нешатом касыда, восхвалявшая мудрость шаха, привлекла внимание монарха, который повелел выдать ему пять тысяч туманов и пригласил ко двору, где Нешат смог проявить свои способности стилиста, составляя шаху различные государственные документы. Как и Саба, Нешат превозносил шаха в газелях, рубаи и касыдах, но по своему поэтическому призванию он был лириком. Его газели отличались большим изяществом и тонкостью зарисовок природы и быта. Его литературными кумирами были Саади и Хафиз, которым он во многом подражал. Нешат

писал и рассказы, следуя традиции орнаментальной прозы Саади. И хотя он и не создал своей школы, но своим творчеством внес определенный вклад в персидскую литературу.¹

Персидская поэзия того времени не исчерпывалась творчеством этих двух крупнейших поэтов, тогда творили десятки придворных поэтов, таких, как **Сеид Хосейн Табатабаи Меджмар Ардестан Исфакхани** (1776—1810), **Мирза Мухаммад Шафи Висаль Ширази** (1779—1846) и другие, оставившие свой след в литературе.

В XIX в. начинается экспансия европейских держав в Иран, расширяются экономические и культурные связи иранцев с Россией, Англией и Францией, а также с Турцией. С одной стороны, этот процесс усиливал у консервативной части интеллигенции приверженность к традиции и религии с целью сопротивления всему европейскому; с другой, способствовал проникновению в страну западной культуры. Кризис феодальной системы и резкое обострение социальных противоречий привели к тому, что придворные, побывавшие за границей, начали настойчиво требовать проведения некоторых реформ, не затрагивавших, однако, основных принципов государственной системы.¹

Событием в жизни страны было введение книгопечатания. С внедрением типографского дела в начале XIX в. сначала в Табризе (1825), а потом в Тегеране стали издаваться религиозные книги и официальная светская литература: исторические хроники, газеты на персидском языке, сначала в Тегеране (1837), а через некоторое время и в других городах. В середине XIX в. газеты выходили уже регулярно. Некоторые из полуофициальных газет высказывались за проведение социальных реформ в стране.

Реформы в области образования начались в первом десятилетии XIX в., когда иранское правительство стало посылать молодых людей учиться в западные страны и приглашать оттуда специалистов по инженерному и военному делу, врачей, учителей. В 1851 г. в Тегеране, а затем и в других городах были открыты школы политехнического типа, получившие название «Дар оль-фонун» («Дом наук»). В них готовили специалистов различных отраслей знания, переводили учебники, создавали оригинальные исторические хроники, географические трактаты, словари. Здесь рождались первые переводы художественных произведений западноевропейской и русской литературы («История Петра Великого», «Карл XII», «Александр Македонский» и др.), позже воспитанники «Дар-оль-фонуна» сами начали создавать художественные произведения нового типа на актуальные темы просветительского характера.¹

Существенным было упрощение литературного стиля. Пионером в этой области стал поэт и писатель **Мирза Абулькасем Каем-Макам Фарахани** (1779—1836) — создатель нового прозаического стиля, прославившийся своими прекрасно составленными письмами. Эти начинания были подхвачены его современником, поэтом **Мухаммадом Фазель-ханом Гарруси** (1783—1852). Фазель-хан рано начал писать стихи. Оказавшись при дворе, он за несколько лет освоил основы литературы, риторики, грамматики арабского языка и других наук. Стихи Фазель-хана носили преимущественно лирический характер. Как и все поэты того времени, он сочинял традиционные газели, восхваляя возлюбленную, страдая и проливая слезы, моля ее о пощаде. Но он писал и стихи, в которых жаловался на превратности судьбы, на огорчения и обиды, проповедовал науку, знание и справедливость.¹

Известный русский востоковед Н. В. Ханьков, который подружился с Фазель-ханом, отмечал решительность и принципиальность иранского поэта в борьбе с

социальным злом: «Пораженный какой-нибудь несправедливостью или людским пороком, он казнил их сильными и жгучими стихами. Какая-то лихорадочная ирония, какой-то болезненный смех сквозь слезы, какое-то притворное смирение Эзопа под палкой своего господина царствует в сатирах его с начала до конца». Фазель-хан входил в искупительную иранскую миссию, направлявшуюся в Россию в связи с убийством А. С. Грибоедова, и встретился на Кавказе с А. С. Пушкиным. После встречи Пушкин посвятил стихотворение Фазиль-Хану, где упоминаются имена Саади и Хафиза:

Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы.....имена.
Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след.....
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.¹

Большое значение в Иране первой половины века имела просветительская деятельность **Мирзы Таги-хана Амине Кабира** (1805—1852), инициатора ряда реформ. Просветительские идеи (стремление ограничить власть шаха и установить законность в стране, борьба с произволом и тиранией в городе и деревне; требование улучшения условий жизни и проведения реформ в области культуры и просвещения) продолжали зреть в среде передовой иранской интеллигенции и оказали значительное влияние на письменную литературу, которая начинала заметно меняться. Так, в самом начале века впервые в печатном виде распространяются острые сатирические произведения, направленные против произвола казиев (судей). Они строились по принципу известных старинных притч, например о том, как в одном городе преступление совершил купец, а казнили вместо него плотника в другом городе.

Признаки перемен заметны и в персидской поэзии. Начавшееся еще в XVIII в. движение за упрощение поэтического стиля, за возврат от трудного и сложного к ясному и изящному стилю средневековой поэзии, известному под названием хорасанского или туркестанского, оказало воздействие на всю поэзию XIX в.¹

Существенные изменения обозначились и в содержании поэзии первой половины XIX в. Они отмечаются, к примеру, в творчестве одописца **Хабиболлы Каани** (1808—1854), которого считают последним крупным придворным поэтом Ирана. Помимо большого числа касид, он опубликовал сатирическую «Книгу смятенного» («Кетаб-е паришан»), написанную прозой, орнаментированной стихами, наподобие «Гулистана» Саади или «Бахаристана» Джамии. В своей «Книге смятенного» Хабиболла Каани пишет

об алчных шейхах и несправедливых судьях, о ворах, обирающих бедняков, о притеснении безвинных людей, осуждает пьянство и разврат. В цикле пандов (наставлений) поэт поучает и правителей. Он советует им не обижать людей, думать о доходах государства, о поощрении ремесел, развитии торговли и т. п. «Книга смятенного» Каани — это первые робкие попытки критики современной действительности. В то время подобное выступление было проявлением гражданского мужества и одновременно знаком перемен в общественной мысли и в литературе середины века. Знаменательно, что на такой смелый поступок решился придворный поэт.¹

Более смело обличал феодальные порядки его современник поэт *Абулхасан Ягма Джандаки* (1782—1860). Его первая поэма «Начальственная» («Сардарийе»), в которой он высмеивал одного из своих покровителей, феодала-самодура, издевавшегося над своими подданными, едва не стоила ему жизни.

Другая поэма Джандаки — «Экстракт позора» («Холасат оль-эфтезах») высмеивала дикие нравы состоятельной провинциальной семьи, и за нее автор тоже чуть было не поплатился жизнью. Хотя объектом сатиры Джандаки были конкретные лица, которых читатели легко узнавали, это была в сущности критика всего уклада жизни, всей социальной системы. Сходное неприятие деспотизма и критика провинциальной семьи прослеживаются в творчестве Грибоедова («Горе от ума»), вдохновленного идеями восточных поэтов.

С кем был! Куда меня закинула судьба!
 Все гонят! Все клянут! Мучителей толпа,
 В любви предателей, в вражде неумолимых,
 Рассказчиков неукротимых,
 Нескладных умников, лукавых простяков,
 Старух зловещих, стариков,
 Дряхлеющих над выдумками, вздором.
 Безумным вы меня прославили всем хором.
 Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
 Кто с вами день пробыть успеет,
 Подышит воздухом одним,
 И в нем рассудок уцелеет.¹

Стихи упомянутых поэтов, особенно Ягмы Джандаки, против произвола и беззакония были в ту пору редким явлением. Но для Ирана середины XIX в., когда главенствовала панегирическая литература и свирепствовала деспотическая власть, относившаяся

нетерпимо к любому проявлению свободы мысли, выступление таких поэтов, как Ягма, было принципиально важным. Творчество Ягмы в значительной мере подготовило условия для успешного развития качественно новой, просветительской по своему характеру литературы, которая формируется в последующий период под влиянием русского Просвещения. В результате открытия Ирана стран Европы во второй половине XIX в., а также огромного количества иранцев, посещавших иностранные школы в Тегеране и в других городах Ирана, и в особенности, поездок большого количества людей, на Запад с целью туризма или получения образования, в персидский язык пришло много русских и иностранных слов, которые не только в ежедневную жизнь, но постепенно стали использоваться и в литературе (проза, поэзия). Это направление оказалось втягивающим потоком, который колебал персидский язык, обогащая его лексически со времени исламского открытия Ирана и до конца XIX в¹.

Персидской литературе был отмечен в этот период в **(Стиль Возвращения -Базгашт)**. В эпоху Возвращения (Базгашт) в персидской поэзии получили распространение два стиля, а именно: касида в стиле старых мастеров поэзии и поэтов эпохи Сельджукидов (так писали Саба, Ка'ани, Су-руш и Шайбани), а также газели в иракском стиле в подражание Са'ди и Хафизу (Маджмар Исфакхани, Фуруги Вистами, Нишат Исфакхани).

Поэты эпохи Базгашт активно выступали против индийского стиля, который после Бидила стал затухать. Об этом свидетельствуют высказывания Азара Бидгули в книге *Тазкира-йи Азар* относительно Са'иба и всего индийского стиля. Вместо совершенствования устаревавшего поэтического стиля поэты этой эпохи решили обратиться к старым мастерам, полагая, что новаторство именно и заключается в возвращении к старым стилям. Основным приемом стала замена: они меняли слова и целые обороты в стихах предыдущих эпох, создавая таким образом новые стихи. Пользуясь этим приемом, они меняли форму произведения и удивительным образом его содержание; подражали ритму и рифме стиха, любили включать в свои стихи прямые цитаты из произведений авторов прошлых эпох. Язык поэтов эпохи Базгашт изначально был очень примитивен и несовершенен, ибо они не вникали глубоко в литературные тексты. Но на втором этапе этой эпохи мы становимся свидетелями высокого развития поэтического языка, в частности в творчестве Суруша и Ка'ани.

Впрочем, эти поэты не могли до конца понять архаичный поэтический язык, а потому многие байты в их стихах содержат в себе лексические и синтаксические погрешности. Так, они не владели полностью искусством применения йа-сравнительного и дополнительных изафетов. В подражание такому поэту, как Манучихри, они стали

использовать в стихах сугубо книжные слова типа *хакик*, *сахик*, *нахик* и *шаккик*. С точки зрения содержания это также была архаичная поэзия. Даже новые явления жизни (как то: телеграф и телефон) они рассматривали через призму старого мышления, не стремясь идти в ногу со временем. Что касается литературных форм, то поэты этой эпохи отдавали предпочтение газели и касиде, причем касиды писали в хорасанском и сельджукском стилях, а газели — в иракском. Поэзия стиля Базгашт показывает, что в персидской литературе, особенно в поэзии, появились ростки перемен и новаторства и обращение к стилю старых мастеров уже ничего не давало. ¹

В этою веке была заинтересованность к литературе много появилось учёных и писателей ,много книг в области литературы ,истории ,науки ,были созданы .Появилось много ценных изданий например (Ал-такмила),(Ревда Ал-Сава),(Насих,таварих) и (Нами Даншурани) (Мужми Ал-фусих) и другие произведения . Некоторые из краалей Ирана были поэтами есть книга поэзий написанной (Фатах Али шах)и (Насера Алдан шах) книга называется (Авар нама). (Фархат мерза) сын Абаса Мерза был замиститялям короля писал стихи и написал письмо об истории своего отца а когда научился Англискому языку написал стихи на Англиском .И перевел на Персидский язык книгу называется (Хуласт Ал-хисаб) и написал книгу в географии под названием (Жам,Жем) его темы были взят с Англиских книг . Махмуд Мерза брат Абаса Мерза был писателем. Из того что отличало этот век повышение Персидской литературы и появления много поэтов и повышение число произведений .В этом веке стали отношения между Ираном и Европией усеяться в области языка и литературы. Были переведены много книг с Европейских языках на Персидский язык в области науки и литературы а также поэты сказки стали Русские и Европейские слова входить в Персидский язык .В Иране в это время произошел подъем новый требовали вернуться к всему старому центром его был город (Исфахани). Этот подъем вели поэты.Они подражали поэтов как например (Фирдоуси),(унсри),(фарухи),(Манучихри),(каани),(анвари).

Результат этого подъема появилось много писателей и поэтов умеющих их искусство поэты .Можно сказать что их было больше чем 100 поэтов .

ЛИТЕРАТУРА

Ахмад Тамимдари .История персидской литературы. Перевод
1-Ахмад Тамимдари.
Санкт-Петербург.2007.

2-Грибоедов А.С.. Горе от ума. – М., «Правда». 1979.

3-.Золотова Нина Николаевна. Встреча с Пушкиным.Москва,1958.

4-Крымский А. Е. История Персии, ее литературы и дервишеской философии. — М., 1909..

5-Истины. Изречения персидского и таджикского народов, их поэтов и мудрецов. Перевод Наума Гребнева «Наука», М. 1968.

6-История персидской и таджикской литературы. М., 1970.

7-История персидской литературы XIX -XX веков. Восточная литература ран.. предисловие(д.ко миссаров).М., 1999г.

8-Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. Т. 2.*